

МАРАТ ШАФИЕВ

Краткая история русскоязычной бакинской поэзии

Прощальная гастроль

19 апреля 2011. Печальная весть из Дюссельдорфа: умер 89-летний Рафаэль Иеремиевич Шик. А накануне в Санкт-Петербурге вышла в свет его книга. В этом есть нечто символическое, ибо он всегда, не верящий особенно в бессмертие жизни, предпочитал ей бессмертие даже не стихов – одной строчки: «И буду счастлив только лишь от мысли:/ А вдруг строка переживёт меня?»

Он любил цирк. Много о нём писал, в частности, в журнале «Цирк». В 1989 году была издана его книга «Они редко бывают дома». Вот отрывок из нее: *«В Азербайджане искусство цирка во все времена было популярно и любимо народом, ведь оно уходит здесь корнями в седую древность. Поезжайте в горные районы республики, и вас познакомят с целыми семьями, где умение ходить по канату – увлечение фамильное и передается от дедов и отцов к сыновьям и внукам. А пехлеваны-силачи, джигиты-наездники – они желанные гости на любом празднике».* По сценарию Шика создан документальный фильм об иллюзионисте Хосрове Абдуллаеве.

Он любил цирк потому, что жизнь для него целиком ассоциировалась с ареной: жестокий труд до пота, до кровавых мозолей; репетиция утром и представление вечером; смертельный риск и преодоление страха; вдохновение и высота духа, когда ходишь по проволоке, прыгаешь в пустоту с трапеции; неудобное кочевье; особенное братство – в каждом циркаче столько кровей намешано! И наградой за все – долгие благодарные аплодисменты.

А потом *«...срок подошёл – вереницею длинной/ В путь тронулся цирк».* Что остаётся от нашей жизни? Моя мама работала штукатуром в строительном управлении, показывая на какое-нибудь здание, говорила: «Это построили мы». Иногда после человека остаётся нечто менее монументальное – эталонная вещь мастера, чаще – дети, продолжатели из ниоткуда в никуда тянущегося, как ствол дерева, рода. В случае с Шиком – это стихи в книгах «Прощание с Россией» (Бонн, 2000) и «И вскоре я умер или Прощальная гастроль» (Санкт-Петербург, 2011).

Писать он начал на войне. Ходил в тыл к немцам: надёжная, но громоздкая рация «Север» и два комплекта батарей – это уже 10 килограммов, сухпаёк – сухари, сало, консервы, спирт, сахар, соль, спички, и обязательные пистолет и финка за голенищем; с латышской гвардейской дивизией освобождал Прибалтику, был ранен. Понятное дело, почему после распада Советского Союза (*«Оплёвана великая идея,/ Оболгано великое житьё»*) таких людей привечала Германия – это дополнительная прививка от чумы фашизма. Но почему так легко поколение победителей отпустили мы – вот вопрос.

Рафаэль Шик говорил о себе как о гражданине мира: уроженец Баку, еврей по национальности, думающий на русском языке. Но какой там космополит?! Если всё

время памятью тянулся к солнечному южному городу, притулившимся к морю, где *«кривые улочки горбаты, как верблюды, / Солёный ветер продувает их насквозь»*: *«И вот я побывал в чужих краях / И вдоволь надышался на свободе. / И мне приснилось, что везут мой прах / Назад домой на старенькой подводе»*. И стучала в нём кровь Ходжалы. Антитеза или предтеча глобализму? Рафаэль Шик был из неунывающего интеллигентного племени бакинцев, которые потихоньку уходят из нового мира, как ахейцы, ассирийцы, вавилоняне, кавказские албаны. Уходят в миф.

...Что я могу добавить к своей старой статье?

После войны Шик окончил пединститут и музыкальное училище, работал актёром, редактором сумгаитской вечёрки, сценаристом на телевидении. Эмигрировал в 1993 году. Прощаясь с ним, поэт Владимир Кафаров сымпровизировал: *«Давно уж лишились мы шика, теперь провожаем и Шика»*.

Шик не мог пользоваться интернетом, посылал мне письма, написанные от руки: *«Соседи в Баку часто бывают даже ближе родных. Здесь, конечно, всё не так – каждый сам по себе. Иногда во сне мне видится Баку. И ведь мог бы вполне съездить на родину, если б не стал полным инвалидом. Обидно»*.

Хотел, чтобы его стихи звучали в Баку, чтобы его не забыли, не считали отрезанным ломтем. Звонил знакомым и часами с ними разговаривал. Я пытался завести диалог. На мои первые вопросы, также отосланные почтой, он отвечал: *о войне вспоминать не хочу, в Бога не верю; но вот во время приезда Хрущёва в Сумгаит здоровался с ним за руку*. Но это уже было неинтересно мне. Разговор не завязался.

Почему память о никогда мной не видимом человеке томит меня болью? Я был его последней ниточкой с Городом, ненадёжной соломинкой. А что я мог поделывать? Я не издатель, у меня нет газетной площадки. В безмолвном пространстве больше не звучат его позывные. Но даже зная, что нет никакой надежды, я, пока сам жив, всё равно буду окликать его по имени и думать, что в этом есть какой-то смысл.

Рафаэль Шик

Пленный немец

Был пленный немец тощ и жалок.

«Капут, – он бормотал, – капут!»

Я протянул ему в подарок

Кисет солдатский табаку.

Скрутил он ловко «козью ножку»

И робко в уголочке сел,

Наверно, думал: «Ждать немножко –

Войне конец, я жив и цел!»

А я скорбел о друге Мише,

Два дня назад он был убит

Фанатиком, стрелявшим с крыши.

Как вспомню – так душа болит.

Он шёл со мной буквально рядом,

Вдруг вскинул руки и упал.

Стрелявший (изловить бы гада!)

Сразил парнишку наповал.

**А пленный немец, встав со стула,
Дымил себе всё и дымил.
И мысль меня вдруг саданула:
«А если это он убил?»»**

2-й Прибалтийский фронт, 1944 год

**Поэты изысканной стали:
Что рифма – сплошной примитив!
Сорняк на священной скрижали,
Частушки банальный мотив.**

**А я находил свои рифмы,
Впадая порою в кураж,
Когда содрогался от взрывов
В четыре наката блиндаж.**

**И было мне не до изыска.
Не то, чтоб одрябла душа –
Мне б только хватило огрызка
Трофейного карандаша.**

**Мне б только прожить ещё малость –
Прожить этот день, этот час.
И рифма во мне оставалась,
Пока ещё дух не угас.**

«Шла наша юность среди вьюг...»

Варвара Константинова (Земмель) сочиняла стихи со школьной скамьи. Война оборвала счастливые надежды двадцатилетней девушки, только поступившей в университет на юридический факультет. Напрасно отец – капитан дальнего плавания Константин Оскарович – убеждал власти в голландском происхождении рода, семью включили в многотысячный список ссылаемых. Немецким семьям позволялось забрать с собой необременительный чемодан – добротная мебель, музыкальные инструменты, картины продавалась почти задарма, за первую предлагаемую сумму.

Наступили годы странствий: сибирская тайга и казахстанская степь.

Отягощённый думами, умер отец. Женщины (мама и младшая на два года сестра – Анна) работали на строительстве сталелитейного завода: месили цемент, подносили каменщикам в ящиках: *«Я не позабыла до сих пор/ Над баракком фонари горящие./ Спали на скрипучих топчанах,/ И в работе дни казались быстрыми./ Где стояли домики в степях,/ Там мы город Темир-Тау выстроили»*. Вернувшись однажды поздно вечером, Варвара никого из своих не застала. На подоконнике в слабом свете керосинки заметила стакан с ржавой жидкостью, который опорожнила. Никогда ей не забыть тоскливых глаз вернувшейся матери – оказывается, в бутылке было подсолнечное масло, которое мать выменяла на какую-то одежду. Через два десятилетия эта неизбывная боль стала стихотворением. Местные отнеслись к приезжим с ненавистью, называли фашистами; потом лишь, разобравшись, увидев самоотверженную работу – ставили на самую тяжёлую, – стали добрее. Сами советские немцы не держали зла на предавшую их Родину, говорили: в наших бедах виноват Гитлер. А однажды отличились военнопленные – отказались работать, потому что подвезённый цемент никуда не годился.

По окончании войны Варвара Константинова написала письмо академику Сергею Вавилову, и – счастье! – им разрешили вернуться: *«Нас обжигал морозный ветер,/ Росли мозоли на руках./ Нельзя забыть, как в годы эти/ Баку нам виделся во снах».*

Окончив университет, Варвара Константинова в обыкновенной бакинской средней школе учила детей русскому языку, а через русскую литературу давала ещё и уроки нравственности.

Посещала литобъединение, где познакомилась с девушкой – тоже из семьи репрессированных – и они навсегда стали подругами.

Когда Инна Лиснянская вышла во второй раз замуж за поэта и переводчика Семёна Липкина, Константинова приезжала к ним в Переделкино под сень могучих сосен. В бакинском доме Варвара тосковала по этой столичной тусовке небожителей, но постепенно снова втягивалась в работу, было удивительно: как через все эти казённые инструкции, плановые темы расцветают живые глаза детей. Много говорят о русской идее, тщетно пытаются её отыскать – а она давно существует, и идея эта – суть русской классической литературы.

С 1964 года Варвара Константинова – член Союза писателей СССР. Печаталась в центральных журналах «Огонёк», «Молодая гвардия», «Знамя». Всего у неё шесть книг: «Листья» (1960), «Встречи в пути» (1963), «Верю в тебя» (1971), «Пять камушков» (1975), «Лирическая тетрадь» (1981), «Стёжки на руке» (1989). Жила с сестрой в типовой квартире в 4 микрорайоне. Сёстры никогда не были замужем – их сверстников война выкосила на четыре года вперёд.

Последние десять лет Варвара Константинова была прикована болезнью к постели. Звонила заинтересовавшим её по публикациям в журнале поэтам, зазывала в гости. Так попали к ней Алина Талыбова, Елизавета Касумова, Ирина Зейналлы. Звонила она и мне, но я сглупил и приглашения не принял.

Варвара Константинова не дожила до 90-летия полгода.

Варвара Константинова

Вещи

**Какая мебель нам нужна,
Какие вещи нам нужны,
Узнала я в огне войны,
Среди тревог, не тишины.
Что в прошлом радовало взгляд,
Мне нынче стало не с руки,
И полированный сервант
Сменяла я на горсть муки.
Нет, не забыла до сих пор:
Отъезд внезапный подошёл,
Как лишний, вынесен во двор
Обеденный добротный стол.
И туфли вдруг не дороги...
(Не до изысканности тут!)
Ведь в грязь нужнее сапоги,
Которые не подведут!..**

**...Нас увозили поезда
Через заснеженную мглу,
В теплушке я спала тогда,
Не на кровати, на полу.
От беженцев пестрел вокзал,
Уже привыкший ко всему.
Почти у самых шпал стоял
Рояль, не нужный никому.
И приучало время то
К терпению не меня одну...
И я ходила не в пальто,
А в телогрейке всю войну.
Был труд, похожий на бои,
Разлуки были, как стена...
Надела туфли я свои,
Когда окончилась война.
И нет мозолей на руках,
И шубу я ношу в мороз.
И ходят девушки в шелках,
Каких иметь мне не пришлось.**

«Только жизнь. Не так уж мало!»

В 1929 году, спасаясь от экспроприации, Портновы (дед, бабушка, мать и двухлетний Владимир) из Москвы приехали в Баку. Купили квартиру в двухэтажном доме на Мельничной улице, дальше лежала пустынная окраина.

В разгар войны старшеклассник из 16 школы решил круто изменить судьбу.

На нефтяном промысле с интересом рассматривал чумазых, в ватниках людей, занятых эпохальной работой (проговаривая про себя Брюсова: *И гордо стоят нефтяные столпы на Биби-Эйбате!*), прораб спросил: Где ты живёшь? Шемахинка? Это же далеко: два-три трамвая и пешком.

Так Портнов рабочим не стал. Всю жизнь его терзало желание всякого интеллигента – слиться с народом. Но разве литература не в счёт? О мучительном поэтическом труде сказал ещё Маяковский: *«Поэзия – та же добыча радия./ В грамм добыча, в годы труды./ Изводишь единого слова ради/ Тысячи тонн словесной руды...»*

После долгой службы в армии танкистом, в 1957 году он с отличием окончил филфак Ахундовки. В газете «Бакинский рабочий» прошел путь от корректора до литсотрудника. Статью о «Мастере и Маргарите» в твардовском «Новом мире» похвалила сама Елена Булгакова. Знаковое знакомство в 1960 году с ленинградским переводчиком Владимиром Шором на несколько лет приковало его к городу на Неве, где Портнов увлечённо переводил французскую литературу.

В конце 60-х он возвращается в Баку, работает над поэтическими сборниками «Ясный вечер» (1971), «Варианты» (1979), «Равновесие» (1982), «Возвращение» (1986). Азербайджанские переводы сцементированы в «маленькую антологию» – «Родные тропы» (1977), из прозаических работ отметил пьесу Гусейна Джавида «Шейх Санан» (поставлена в Русском драмтеатре), анаровские повести и роман «Шестой этаж пятиэтажного дома». Но дело его жизни – это, конечно, французы, издаваемые в Москве: Шарль Бодлер «Лирика» (1966), «Цветы зла» (1970), Гюго

«Лирика» (1971), «Беранже, Барбье, Дюпон» (1976), Теофиль Готье «Эмали и Камеи» (1989). А ещё испанец «Лопе де Вега» (1974).

Кроме трудов находилось в жизни место и для забав.

«Парни из Баку» впервые участвовали в КВН в сезоне 1967/68. Для заранее объявленной темы «Шутки в русской поэзии» пригласили и Портнова, знающего назубок всю классику. Чтобы сорокалетний Портнов не слишком выделялся среди студентов, его плотно прикрывают. В игре против Куйбышевского политехнического при равном счёте последний вопрос соперника звучал убийственно: *И ха-ха-ха и хи-хи-хи*. Володя не подводит: *«Люблю я парадоксы ваши,/ И ха-ха-ха, и хи-хи-хи,/ Смирновой штучку, фарсу Саши/ И Ишки Мятлева стихи»*. И после эффектной паузы добивает: *«Лермонтов. Из альбома Софьи Николаевны Карамзиной»*. Гром аплодисментов, игра выиграна.

Владимир Самуилович живёт в однокомнатке – центр города (Низами, угол Гуси Гаджиева), но окна первого этажа выходят прямо на улицу, где шумят машины, и толпа атакует кинотеатр. Когда наступала благословенная ночь, за дело принимались крысы. На деревянные полы в сплошных дырах накладывались заплатки железные листы, придавленные для прочности кирпичами. И под эту «жизни мышью беготню» Портнов переводил Жозе Мария де Эредиа. Того, конечно, переводили и раньше, но перевести на русский язык всего Эредиа – это сделал Портнов. Житейски беспомощный, он был велик во всём, что касалось поэзии. Когда у Александра Грича в одночасье угасла молодая жена, Портнов в доме младшего товарища до рассвета читал стихи над усопшей. Позвать священника в советское время было немислимо, но ведь и поэзия приобщает к таинству.

Самое сильное и интересное в поэзии Портнова – это узнаваемость места и времени проживания. *«Тривиальны подробности жизни,/ Человеческих дней пустыки,/ Но в своём областном реализме/ Я люблю помещать их в стихи»*. *«Третья Завокзальная»*, *«черты одной бакинки с Балаханского шоссе»*, *«жаль Сабунчинского вокзала. И Фиолетова закрыли»*, *«бульвар, купальня, парк Нагорный»*, *«парашютная вышка»*, *«Черногородский мост»*, *«двухэтажные проспекты, заводы, теплотрестраль»*, *«где-то на Чапаева, до Нейматуллы»*, *«кукушка ездила и пароходик»*, *«снова столики с чаем и нардами»*, *«керосиновые лавки и булочные, скобяные мастерские и сапожные»*, *«все дети бегают босыми, все взрослые в одно одеты – в «украинки» и парусину»*, *«белых брюк и юбок много»*, *«патефон всегдашний»* – именно эта встроенность в «густой и прочный быт», который «словно дымкой внешней поэзией повит» (а не шум и ярость эпохи, как у иных), позволяет Портнову, вслед за Ахматовой («Я была тогда с моим народом,/ Там, где мой народ, к несчастью, был»), гордо заявить: *«Я, наверное, жил как все: галереи, керосинки»* и в этом растворении находить высшее счастье.

И если даже *«бесконечный мой сюжет/ обрываю как попало»*, всё равно *«а финала нет как нет, –/ нет, как не было начала»*. Потому что «жизнь бакинского квартала» катится дальше. С нами или без нас – неважно. Город есть, Город состоялся и запечатлён в некоем Духовном плане. Город спасён своими поэтами, а значит, защищены и спасены и сами летописцы.

В начале 90-х Портнов с семьёй перебирается в Израиль. В журнале «Звезда» в 1993 году публикуется его автобиографическая повесть «Нищая идиллия».

Умер и похоронен 19 июля 2007 года в городе Цфате.

Владимир Портнов

Детство

Конец тридцатых... Эти годы
Мне вспоминаются всё чаще,
И стариковские невзгоды
Раскрашивают их под счастье.
Отчётливые и цветные,
Они, кой-где сливаясь в пятна,
Похожи на переводные
Картинки в памяти превратной.
Сюжет таков. Сначала лето,
Все дети бегают босыми,
Все взрослые в одно одеты –
В «украинки» и парусину.
Из рупоров, сверкая, брызжет
Великолепный Дунаевский,
Кино одни шедевры нижет –
То «Щорс», то «Александр Невский».
И вечерами мы, мальчишки,
Шныря в толчее бульварной,
Глядим, как с парашютной вышки
Шикарно спрыгивают парни.
Пятнистые от волн и пыли,
Мы здесь не устаём скитаться.
Тролейбус только что пустили,
И ходим мы на нём кататься.
Бульвар, купальня, парк Нагорный,
А где-то там враги и войны,
Но может наш любимый город
Ещё два лета спать спокойно.
Из Кисловодска едет мама...
Сентябрь почти без перехода
Нас к школе подтолкнёт упрямо,
Но дни ещё полны свободы.
Всё те же фильмы, те же игры,
И школьный двор – как наш домашний,
И вновь зовёт Назаров Игорь
Послушать патефон всегдашний.
«Андрюшей», «Сашкой», «Монтереем»
Мы до краёв полны, как кубки,
И не идём домой, а реем,
Смуглы, сильны и странно хрупки.
Зима. Шестнадцатая школа.
Дожди. Темно. Вторая смена.
Беретка с хвостиком весёлым...
И мне не вырваться из плена.
То дико груб, то зло покорен,

Я нравлюсь, но надоедаю,
Подстерегаю в коридоре
И веселю мальчишкой стаю.
Но всё так искренно и тяжко,
Что мне сочувствуют невольно.
Пальто распахнуто, рубашка
В мелу, – и до сих пор мне больно.
О, эти поздние трамваи
И провожания в Чёрный город!
И девочка моя, зевая,
Булавкой скалывает ворот.
Как водится, я два портфеля
Несу на Третью Заводскую...
Чем был я счастлив, в самом деле?
О чём, о чём теперь тоскую?
Я что-то не могу припомнить,
Когда бульвар был перестроен
И пара тесноватых комнат
Огромным выгнулась покоем.
Снесли купальню и бассейны,
Потом яхт-клуб исчез куда-то...
Стоит осенний день кисейный,
Но вот и он идёт к закату.

Сюжет

Написал бы я роман –
Жизнь бакинского квартала.
Чтоб герои как попало
Появлялись, без финала
Уходили как в туман.

Чтоб сюжетом быть была:
Чтоб рождались, вырастали,
Знали страсти и печали
И, избыв себя дотла,
В том же старились квартале.

Знаю судьбы, знаю быт
(Дом у нас – отнюдь не крепость,
Жизнь у нас – отнюдь не ребус),
У кого и что болит,
Знаю – сам по горло сыт.

Сыт по горло той густой
И эпической в основе,
Полной терпкого здоровья,
Бытовой белибердой,
Что сильнее души и крови.

Время здесь по кругу шло:
Всё, чем было знаменито,
Уходило, как сквозь сито,
В тот песок, что мирно жгло
Золотое солнце быта.

Я как все, наверно, жил
И недаром воспеваю
Электрички и трамваи,
Уличных мальчишек стаи,
Как учился, как служил.

Я, наверно, жил как все:
Галереи, керосинки;
И черты одной бакинки
С Балаханского шоссе
Сохранил во всей красе.

И сквозь эту чехарду
Дружб, семей, смертей, рождений,
Возмужаний, постарений
Вас по кругу поведу –
По маршруту привидений.

Город есть, и есть квартал,
Может, день, а может, вечер,
На углу, как прежде, встречи,
Кто-то стар и кто-то мал,
Стариком мальчишка стал.

А финала нет как нет, –
Нет, как не было начала.
Жизнь бакинского квартала –
Бесконечный мой сюжет –
Обрываю как попало.